

Сергей Лесной

Откуда ты, русь?

крах норманнской теории

Сергей Яковлевич Парамонов

Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17684768

Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории: Алгоритм; Москва; 2009

ISBN 978-5-6993-6397-1

Аннотация

Триста лет нам внушали, что Государство Российское существует только благодаря норманнам. Что наши предки-славяне были «неисторическим» народом, годным лишь на удобрение почвы для западной цивилизации. Что славяне появились в болотах Припяти, и туда же вновь загонялись любым мимошедшим кочевым народом. Что читать мы научились у греков, торговать – у немцев, а плавать – у шведов. А своего у славян – лишь водка да лень-матушка. Вот только тогда непонятно, как же наш народ умудрился создать тысячелетнюю империю размером с одну шестую часть суши? А действительно, как? Кто же мы на самом деле? И откуда мы взялись? На эти вопросы отвечает замечательный историк русского зарубежья Сергей Лесной.

Содержание

«Слово о полку Игореве» – золотое слово Руси	5
1. В чем причина неиссякаемого интереса к «Слову о полку Игореве»?	5
2. «Слово» – это поэма или политическое воззвание?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Лесной

Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2009

*** * ***

«Слово о полку Игореве» – золотое слово Руси

1. В чем причина неиссякаемого интереса к «Слову о полку Игореве»?

«Слово о полку Игореве» было написано приблизительно 765 лет тому назад. Неужели недостаточно времени чтобы потускнеть этому произведению, покрыться патиной времени, перейти в сухие, бездушные учебники древней словесности и отложиться где-то там, почти в подсознании, в том, что зовут «багажом культурного человека»?

Нет – поток переводов, исследований о «Слове» не ослабевает, а усиливается, литература о «Слове» на языках всех народов растет безостановочно.

Странна и трагична судьба этого замечательного произведения. Созданное в конце XII века, имевшее несомненно громадный успех, породившее множество подражаний, оно было в конце концов забыто народом. Но оно сохранялось веками, неведомое никому, где-то в темных кельях монастырей, как огонек под пеплом. Скрывалось под грудями праха, созданного аскетами христианства, извратившими светлого, радостного Бога христиан в грозную, сухую, кара-

ющую силу, и истребившими почти все светское, что оставила нам блестящая эпоха нашей родины X–XII веков.

В мрачные годы русского средневековья, что совпало с эпохой татарского нашествия, культура Руси оторвалась от культуры Запада, с которой она шла в X–XI веках плечом к плечу. Только через 350 лет она снова слилась с западной культурой, опередившей ее за это время, и вновь стала общеевропейской.

И вот, когда в 1795 году, т. е. более 150 лет тому назад, «Слово» было найдено и затем в 1800 г. обнародовано, — оно было воспринято, как нечто совсем новое и идущее совершенно вразрез с духовными памятниками XII века, дошедшими до нас. Была открыта светская литература XII века огромной ценности.

Успех «Слова» после его обнародования был необыкновенный и, хотя рукопись вскоре погибла в пламени пожара во время нашествия французов на Москву, этот огонек, тлевший столетиями, разгорелся и продолжает гореть ярким, неугасимым более пламенем.

Неужели же, спросит рядовой культурный читатель, мало 150 лет, чтобы разобрать, изучить и понять «Слово»? Откуда этот волнующий интерес, почти энтузиазм, эта необыкновенная любовь, объединяющая всех исследователей «Слова»? В чем, в самом деле, секрет успеха, обаяния «Слова»?

«Слово о полку Игореве» является несравненным памятником древней русской письменности, занимающим по кра-

соте, глубине и разнообразию содержания совершенно исключительное и обособленное положение среди прочих памятников письменности соответствующей эпохи.

«Одинокой вершиной возвышается оно, — по удачному выражению Пушкина, — в пустыне древней русской словесности».

Все в нем пленительно и загадочно, с какой стороны к нему ни подойти, всюду интригующие неясности, темные места и загадки. И это после того, как исписаны тысячи страниц на языках чуть ли не всех народов!

Дошло ли до нас «Слово» полностью, или это только обрывки большой поэмы, сохраненные человеческой памятью только в отношении похода Игоря и записанные уже в неполном виде значительно позже? Или, может быть, «Слово» всегда существовало, как самостоятельное произведение?

Уцелел ли первоначальный распорядок частей «Слова», или он изменен в процессе многократного переписывания вольно или невольно? Дошел ли до нас текст в чистоте, полностью, или имеются пропуски, или вставки и изменения переписчиков и вместе с тем слишком рьяных почитателей и комментаторов?

На каком, собственно говоря, языке было написано «Слово»; и не имеем ли мы дело, так сказать, уже с «переводом» на «язык» «первого записавшего «Слово»? Или, может быть, «Слово» было передано не изустно, а переписывалось с оригинала, и переписчики только несколько изменили орфогра-

фию «Слова», и оно в общем дошло до нас без особых искажений языка?

Что в «Слове» исторически верно, а что является поэтическим домыслом или даже ошибкой автора? Когда и где оно было написано?

Кто автор «Слова»? Известная ли отдельная личность, обладавшая огромным талантом, имя которой до нас почему-то не дошло? Или «Слово» является скорее результатом коллективного народного творчества, при котором основное, индивидуальное ядро творения уже погребено под добавлениями и исправлениями продолжателей?

Если это одиночная личность, то кто это? Певец ли, сказитель при князьях, собравший все сведения о походе из первых уст и претворивший все в единую, цельную картину? Не правы ли те, кто считает, что это был знаменитый галицкий поэт Митуса, упоминаемый в летописи? А может быть, это был какой-то образованный дружинник, участник похода, например, сын тысяцкого, также упоминаемый в истории и записавший свои яркие переживания в походе?

За долгие месяцы плена не раз, возможно, он задумывался над причинами поражения, и он выразил свои мысли и чувства как патриота в этой песне.

Может быть, это был, как думают некоторые, воевода Беловод Просович, спасшийся бегством с поля битвы? Или кто-нибудь другой, скажем, воспитатель молодых кня-

зей, хранитель княжеских традиций, глубокий патриот, болевший душой о судьбах своей родины?

Наконец, не является ли автором сам князь Игорь, несомненно много и тяжело размышлявший в плену о своем походе и всех сопутствующих обстоятельствах, как это было высказано сравнительно недавно?

Разве не в его уста влагает Ипатьевская летопись следующие слова его скорби:

«Все сметено пленом и скорбью, тогда бывшею; живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся. Не достоин я жизни! Где ныне возлюбленный мой брат? Где ныне брата моего сын? Где чадо рождения моего? Где бояре думающеи? Где мужи храборствующеи? Где ряд полчный? Где кони и оружия многоценная?»

Попутно, сами собой возникают вопросы: существовал ли легендарный певец Боян? Почему история не сохранила его имени?

Кто такой сугубо загадочный Троян, четыре раза упомянутый в «Слове»?

Какая река называлась в древности Каялой? Где же собственно произошла битва; недалеко от устья Оскола, как думают одни, или у Дона, как думают другие, ссылаясь на «Слово», или, наконец, в глубине половецких степей, как полагал еще Карамзин?

Почему и в какой логической связи упоминается «Тьмутороканский болван»? Как мог поклоняться князь Игорь

иконе Богородицы Пирогощей в 1186 г., когда она еще в 1155 г. была перевезена из Киева во Владимир?

Эти и десятки подобных вопросов смущают мысль исследователя и читателя и повергают их в растерянность. Мы часто видим наше почти полное бессилие перед этим, притягивающим к себе с неотразимой силой сфинксом.

Неудивительно, что некоторые разрубают одним ударом этот гордиев узел, – они усматривают в «Слове» позднейшую подделку под дух давно ушедшей эпохи – гипотеза людей после многих бесплодных усилий павших духом. Видным сторонником гипотезы фальсификации «Слова» является французский славист проф. Андрэ Мазон.

Авторы этой гипотезы не видят, что, отвергая подлинность «Слова», они становятся перед целым рядом гораздо более трудных и неразрешимых вопросов.

Кто был этот удивительный талант в конце XVIII столетия? Что заставило его скрыть свое имя? Почему он не написал ничего больше после столь шумного успеха? Как он мог скрыть свое авторство, ведь недостаточно было написать «Слово» в духе XII века, – надо было найти и переписчика, знакомого в совершенстве с древними почерками?

Мог ли никому неведомый автор соединить в себе столько исторических, филологических и, как увидим ниже, естественно-исторических знаний, попутно с исчерпывающим знанием места действия быть еще таким замечательным по-

этом? Такой гений не мог пройти незамеченным в эпоху Екатерины II.

Известно ли, далее, в мировой литературе, чтобы подражание было неизмеримо выше оригинала? А ведь «Сказание о битве на Куликовом поле» или «Задонщина», принимаемые некоторыми за прообраз «Слова», по сравнению с последним сухи и мертвенны, казенны. Автор «Сказания» так же похож на автора «Слова», как манекен Пушкина на него живого.

Итак, попытка отмахнуться от загадок «Слова» — это не решение вопроса. Вправе ли мы становиться на этот путь? Конечно, нет!

Прежде всего «Слово» далеко еще не проанализировано во всех его деталях, со всех его сторон (ниже мы это увидим). Более того, если мы подведем итоги нашим знаниям о «Слове» за 150 лет, то должны будем с горечью сказать (если мы отнесемся к делу с подобающей строгостью), что «Слово» изучалось с огромными погрешностями, часто даже методологическими.

На исследованиях многих авторов, даже специалистов-филологов, лежит отпечаток бессистемности, подчас жалкого любительства. Какие только порой невероятные предположения не высказывались! Какие только несуразности не преподносились, как последнее слово истины! Просеять зерна ее от мешков плевел (дикий фантазии) теперь дело далеко не легкое.

Чтобы отклонить упрек в голословности, приведем теперь же только один яркий пример, другие будут рассмотрены впоследствии.

Уже давно профессор московской духовной академии Е. Е. Голубинский бросил следующий упрек автору «Слова» по поводу плача Ярославны:

«...Тут вот какая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши в первой юности, и, однако, ее плач ограничивается только мужем, ни словам не касаясь сына, что совсем хороший поэт никак не забыл бы про мать и даже поставил бы ее впереди жены...».

Е. В. Барсов которому мы обязаны самой крупной трехтомной монографией о «Слове», без которой мы до сих пор при исследовании и шагу ступить не можем, писал по этому поводу:

«Нельзя спрашивать, почему жена плачет о муже, забывая сына, так как одно горе подавляет другое: это обыкновенный психологический процесс».

Прежде, чем писать, приведенные отрывки, обоим почтенным исследователям следовало бы познакомиться с примечанием на первой странице «Слова» издания 1800 года и сделать соответствующие выводы. Оно гласит:

«Игорь Святославич родился 15 апреля 1151 года... женился в 1184 г. на княжне Евфросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галичскаго, а в 1201 году скончался, оставив после себя пять сыновей».

Следовательно, князь Игорь женился на Ярославне всего за год до похода, в походе же участвовал сын от первого его брака. Принимая это во внимание, совершенно ясным становится умолчание Ярославной в плаче пасынка, который, вероятно, был ее ровесником и вряд ли питал к ней особенно приязненные чувства (известно, что, как правило, пасынки недолюбливают мачех). Горе Ярославны естественно устремлялось только к мужу, с которым она вероятно не прожила и года и с которым она была связана взаимной глубокой любовью.

Из «Истории» Татищева известно, что, когда Игорь бежал из плена, то конь его уже недалеко перед Новгород-Северским упал и повредил ногу Игоря. Один из крестьян, узнав Игоря, бросился бежать в город, чтобы известить княгиню.

Известие было столь неожиданно, что переполошило всех и все не знали, верить ему или не верить. Княгиня не в состоянии была ожидать подтверждения известия и сама бросилась навстречу. Когда Игорь и Ярославна увидели друг друга, то бросились в объятия и были так глубоко взволнованы, что не могли сказать ни слова, а только плакали. Естественно, что и в этом случае княгиня не думала о пасынке.

По поводу критического замечания проф. Голубинского позволительно сказать, что «совсем хороший» исследователь «Слова» должен его внимательно изучать, и не только читать примечания, но и понимать их, и тогда никаких подобных «странностей» в «Слове» он не встретит.

Естественно, что при таком подходе к изучению «Слова» особого прогресса не последовало, текст не только не прояснялся, но и загромождался несообразностями комментаторов. Только последние десятилетия ознаменовались заметным успехом.

Эти успехи ясно показывают, что загадки «Слова» – не задачи, которые не имеют правильного решения, а задачи в умелых руках, получающие надлежащее решение.

Большинство ошибок в понимании «Слова» основывалось на главной общей ошибке: «Слово» понимали, как «героическую» песнь, т. е. как песнь о героях, в которой нечего докапываться до соответствия с исторической действительностью, – все дело в красоте образов, в яркой передаче чувств на фоне родного патриотизма.

Исследование было перенесено исключительно в область поэтики, отчасти мистики, рассматривали «Слово» исключительно, как литературное произведение. Забыто было самое главное – обещание автора «Слова» петь «по былинам сего времени», т. е. воспеть действительность.

Вместо тщательного исследования исторических источников, восстанавливающих взаимоотношения действующих лиц «Слова» и т. д., ограничивались легкими ссылками на поколенную роспись русских князей, приложенную к изданию 1800 года, полную, кстати сказать, весьма существенных ошибок.

В результате оказалось, что автор «Слова» обращался

с призывом встать на защиту родины к двум покойникам: к князьям Роману Смоленскому и к князю Мстиславу, умершим в 1180 году, т. е. за 5 лет до похода! И никого это не корбило!..

Далее, обращаясь к Роману, автор говорит: «Ты, буй Романе!» А Роман, надо сказать, как раз был совсем не «буй», а получил в истории название «Кроткого». Это был удивительно незлобивый и покорный человек: куда бы ни сказали ему перейти на княжение, – он беспрекословно переходил. И князья, и весь народ очень любили его, смерть его была оплакиваема буквально всеми.

В действительности же автор обращался к Роману Великому Галицкому (умер в 1205 г.), прославившемуся своими победами над литвинами и половцами. Это он разгромил литовцев, взял огромное количество в плен и употреблял их в качестве рабочей силы при пахоте земли. О нем-то и сложена была поговорка: «Романе, Романе, худым живेशи, – литвином ореши!» (т. е. литвином пашешь). Именно его именем пугали половцы своих непослушных детей.

Понятно, что такие подмены личностей совершенно искажают действительный смысл и ценность «Слова»; его полнокровность, жизненность исчезают, сменяясь худосочием и бледной туманностью. Историческую песнь превратили в фантастическую былинку.

Эти исторические несообразности в комментариях устранялись только исподволь. Даже прекрасное издание «Слова»

в 1934 г. (изд. Academia) не избавлено окончательно от этого недостатка.

Дело было не в трудности исследования, а в том, что исследователи стояли (а многие и до сих пор еще стоят) на неверной исходной точке зрения.

Они не представляют себе, насколько важно для правильного понимания «Слова» все точные исторические детали о лицах, местах и событиях. «Слово» – исторический документ, а не побасенка.

Еще в 1945 г. один из специалистов-исследователей, объясняя «темное место» о гибели Изяслава («Дружину твою, княже, птицы крылы приоде, а звери кровь полизаша») влагает это обращение и уста Бояна, которого он сам считает певцом времени Ярослава. Но не мог же Боян жить 150 лет и петь!

Не заметили, что «Слове» это не фантастическая песнь вроде «Песни о Роланде». Поэтика заслонила для них, может быть, основное, и уж, во всяком случае, очень важное значение «Слова» как исторического и политического произведения.

Отмахнувшись от «Слова», как от исторического источника, несмотря на уверение автора «Слова», что он будет петь правду, а не вымысел, комментаторы не придали, естественно, должного значения многим деталям похода и либо обошли их молчанием, видя в них только игру фантазии, ли-

бо старались отыскать в них несуществующую мистику.

Между тем, как мы увидим ниже, многое в «Слове» имеет почти протокольный характер, это последовательная запись того, что было. Эти подробности дают совершенно иное освещение не только событиям, но и всему «Слову».

Перед современным исследователем помимо старых проблем встает еще новая проблема: переоценки ценностей. Все, до сих пор найденное, следует рассматривать под иным углом зрения. В свете иных исходных точек зрения иными оказываются и старые, и новые загадки «Слова» и появляется надежда разгадать их.

Дело сводится теперь не только к тому, чтобы понять «Слово» как литературное произведение и в целом, и в деталях, а в том, чтобы воспринять его как яркое жизненное произведение, всесторонне отражающее XII век нашей родины.

Для этого нужно изучить язык того времени, ибо без этого нельзя расшифровать смысл многих слов и выражений. Изучение языка заставляет нас затронуть интереснейший вопрос о происхождении и взаимоотношениях русского, украинского и белорусского языков, отметить проделанную ими с XII века эволюцию и дальнейшую тенденцию развития. А это очень и очень нелегко.

Далее, восстановить смысл слов, фраз – это еще не значит понять весь контекст. Фраза может быть кристально ясна, но смысл ее в связи с другими фразами совершенно темен.

Для понимания нужно знание жизни, обычаев, даже жизненных мелочей той эпохи, надо знать верования, надо быть знакомым с образами и представлениями того времени, с поэтикой литературных и народных произведений и т. п.

Надо также знать и понимать экономические, политические и иные взаимоотношения различных слоев населения в XII веке, словом, надо, как рыба в воде, плавать среди фактов этой эпохи.

Но этого нет. Поэтому-то 150 лет и не хватило, чтобы понять как следует «Слово». Его можно понять, только изучив всесторонне.

В данном случае мы подошли к нему с методом изучения и навыками натуралиста. Поэтические образы «Слова», большей частью почерпнутые из сравнений с природой, были общим языком между нами и автором «Слова». Эти «образы предстают в нашем освещении в совершенно ином, но еще более глубоком и изумительном свете. Методы мышления натуралиста позволяют осветить очень часто по-иному все то, что найдено и «Слове» представителями гуманитарных наук. И это освещение является более верным; ибо автор «Слова», как будет доказано ниже, был отличным знатоком природы, отчего натуралист понимает его с полуслова, тогда как гуманитарий либо вовсе не понимает его, либо понимает превратно.

Вот эта-то обширность задач, необычайное разнообразие содержания, поразительная художественность, обилие тем-

ных мест и загадок и вызывают у многих исследователей часто почти чувства азарта при раскрытии малых и больших тайн «Слова» и составляют его почти неисчерпаемую прелесть.

Родятся десятки догадок и предположений, фантазия имеет перед собой огромное поле деятельности, фантазия творческая, реальная, ибо каждая из этих догадок должна быть проверена перекрестным огнем холодных исторических, филологических и т. д. фактов и железной логики.

Шаг за шагом, с большим трудом, дополняя, поправляя и поддерживая друг друга, мы, наконец, приблизимся к истинному пониманию «Слова». Но знать и понять «Слово» – это значит знать и понимать наш XII век, – задача огромная и трудная, но благодарная, ибо «Слово» показывает каких высот достигла тогда культура Киевский Руси.

Многое уже сделано, но немало еще остается сделать, и это, еще недостигнутое, манит исследователя, как блуждающий огонек, – вот в этом-то и секрет обаяния «Слова».

Эти строки были уже давно написаны, как в газетах появилась взбудоражившая всех любителей «Слова» статья, сообщающая некоторые сведения о втором оригинальном списке «Слова», обнаруженном уже в 1923 году.

Ввиду интереса, приводим эту статью полностью («Русские новости», 1948, Париж, № 186, с. 5: «Поход за рукописями (Новое о «Слове о полку Игореве»)», подпись: А. Лский).

«Журнал «Вопросы истории» в свое время напечатал призыв ак. Тихомирова о необходимости организовать сбор древнерусских рукописей, погибающих в глухих углах огромной советской страны. Журнал получил в ответ много письменных откликов и в последнем номере открыл кампанию за осуществление и проведение в жизнь «похода за рукописями» с пожеланием придать этой грандиозной экспедиции характер широкого существенного движения и привлечь к ней специалистов, учащихся и вообще все культурные силы страны.

Мы по своим личным воспоминаниям знаем, что почти в каждом русском доме, особенно в старинных городах, в имениях или монастырях где-нибудь на чердаках, в обитых железом сундуках, хранились пожелтевшие связки писем, грамоты, рукописи всякого рода, книги с медными застежками. Большие архивные собрания и библиотеки в первые годы революции были увезены в города, но целые охапки рукописного материала оставались на местах, и все это необходимо собрать, чтобы не сделались добычей пожаров драгоценные, может быть, памятники русской письменности».

(Какое милое непонимание русской действительности, когда нет уже ни имений, ни монастырей, ни сундуков, обитых железом, а чердаки заселены и превращены в «жилплощадь»! – С. Л.).

«В ответ на письмо ак. Тихомирова журнал приводит отклики ученых и архивоведов, особенно рекомендующих

обследовать северные области, приволжскую глушь, Алтайский край, Прибалтику, Западную Украину.

Из этих писем выясняется, что немалое количество архивного материала можно отыскать и у городских букинистов. Так, собиратель старины Груздев сообщает, что он купил для своей личной коллекции около 200 древних рукописей у ленинградских старьевщиков.

Секретарь Института литературы Малышев нашел в другой частной коллекции совершенно неизвестный памятник русского героического эпоса и 8 новгородских грамот, считавшихся погибшими.

Другие пишут, что в сундуках с. Мстеры еще хранятся сотни старообрядческих книг. В другом селе недавно был обнаружен рукописный список редчайшего «Сказания о разорение Соловецкой киновии».

Но самый волнующий отклик получен от работника Псковского музея Л. А. Творогова, письмо которого о его поисках так называемого олонецкого экземпляра «Слова о полку Игореве» нельзя читать без волнения. Поиски эти были полны драматических подробностей.

Творогов сообщает, что проф. Троицкий в бытность свою воспитанником Олонецкой семинарии видел на занятиях в классе в руках у преподавателя рукопись, о которой этот преподаватель сказал: «Вот здесь содержится другой список «Слова о полку Игореве», но гораздо более подробный, чем тот, который напечатан». Но учитель вскоре умер, а ру-

копись куда-то исчезла.

Однако следы таинственного сборника еще раз были обнаружены. Работая над текстом «Слова» Творогов очутился в 1923 г. в Петрозаводске и там познакомился с одним из преподавателей Олонецкой семинарии, который подтвердил существование и характеристику рукописи.

Оказывается, что после революции архивы Олонецкой семинарии были доставлены в городскую библиотеку, где и разбирались исследователем Олонецкого края Островским. Этот последний обнаружил исчезнувшую рукопись «Слова о полку Игорем» с вариантом, но на другой же день Островский заболел сыпным тифом и умер. Разбор архивов продолжался, но драгоценная рукопись не была найдена.

Конец этой истории печален для русской культуры. Проф. Перец (правильнее Перетц. – С. Л.) рассказывая, что один из его учеников видел в Астрахани воз со старыми бумагами, которые крестьянин продавал на базаре. Студент обнаружил на возу среди всякого хлама несколько рукописных сборников, в одном из которых был список «Слова о полку Игореве». Но у него не было при себе денег, чтобы купить рукописи, и какой-то киргиз купил воз целиком, свалил вещи и книги в свою арбу и уехал.

Был ли это олонецкий список «Слова» или еще другой, сказать трудно, однако этот случай доказывает, что мушин-пушкинский список не был единственным и что при систематических поисках советские ученые могут найти тот

олонецкий вариант гениальной русской поэмы, драматическую историю которого сообщает ныне Творогов. Нечего и говорить, что это было бы величайшим литературным событием наших дней».

Таковы краткие данные об олонецком списке «Слова». Оставив в стороне совершенно апокрифический случай со «Словом» в Астрахани, отметим, что олонецкий список «Слова» действительно заслуживает внимания, и, возможно, он еще существует. Не лишено вероятия и предположение, что может найтись и третий список «Слова», но его надо искать!..

2. «Слово» – это поэма или политическое воззвание?

Долгое время, целую эпоху, на «Слово о полку Игореве» смотрели как на великолепный, чисто литературно-сказательный памятник.

«Любители Российской словесности, – писал Мушин-Пушкин устами своего редактора Малиновского в предисловии к «Слову» 1800 г., – согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссиянов: следовательно, и наши древние герои имели своих Бардов, воспевавших им хвалу».

Еще раньше, в 1797 году. Н. М. Карамзин писал: «...года два тому назад в наших архивах открыли отрывок поэмы под названном: песнь Игоревых воинов, каковую можно сравнить с лучшими Оссиановыми поэмами и каковая написана в XII столетии неизвестным сочинителем. Слог, исполненный силы, чувства величайшего героизма, разительные изображения, почерпнутые из ужасов природы, составляют достоинство сего отрывка...»

Итак, в «Слове» увидали поэму, «ироическую песнь», как это стоит на обложке издания 1800 года. Весь центр тяжести этого произведения усмотрели в воспевании подвигов, в чистой поэтике. Это было величайшей ошибкой, наложившей отпечаток на всю историю исследования «Слова»

от 1795 г. и до наших дней.

Да, «Слово» – это поэма, но поэма в высшей степени своеобразная, поэма не фантастическая, не приблизительно, а строго-историческая и, самое главное, злободневно-политическая.

Не поняли того, что не столько поход Игоря как таковой стоит в центре поэмы, сколько беда Русской земли и в прошлом (войны Олега), и в настоящем из-за раздоров среди князей.

Прошли мимо и не поняли «златого слова» Святослава – этого прямого обращения к действию, к единению сил, к спасению родины именно в тот бедственный и полный ужасов момент, когда:

«Се в Римове крычать под сабли Половэцькими, а Володимир под ранами!».

«Слово» поняли как сугубо придворное произведение, имевшее своей задачей воспеть доблесть князей и дружины, считали, что о народе нет ни одного слова, что автору «Слова» были безразличны бедствия и горести русского народа.

Историк Иловайский в 1859 году так оценивал «Слово»: «Везде они (князь и дружина) представляются понятиями неразрывными, и притом едва ли не олицетворяющими собой понятие о всей Русской Земле. Народ или, собственно, «черные люди» остаются у него в тени, на заднем плане...»

И вот с легкой руки Иловайского пошли писать под дик-

товку с некоторыми вариациями на ту же тему вплоть до... 1934 года, когда В. Невский, советский автор, в прекрасном сборнике о «Слове» (изд. Academia) писал:

«Автор «Слова» несомненно принадлежал к высшему привилегированному сословию, к дружинно-боярскому: он был боярином и дружинником... Прежде всего поражает «Слово» тем, что народ, смерды, их жизнь, их участие абсолютно в нем не отражается: получается впечатление, как будто бы народ не принимает в походе никакого участия...

«Автор даже, – продолжает Невский, образы свои черпает не из народной жизни, не из народных низов, а из жизни богатой и притом военной верхушки. Только 3 раза мы встречаем сравнение, взятое из жизни народа, именно из быта земледельца...

Больше картин из жизни пахаря-земледельца в «Слове» нет нигде. Зато высший, боярский, дружинный слой описываются яркими красками. Игорь, его товарищи и его дружина храбры и доблестны... И не только князя, дружина княжеская, – это дружина богатырей, закаленных в бою и отваге...»

Далее В. Невский, очевидно солидаризируясь с акад. Перетцем, приводит следующие его слова:

«Для автора, конечно, ближе всегда были интересы его класса, интересы княжеские, а не интересы народной массы, которая, по нашему мнению, считала своим родным делом хозяйственную деятельность...»

«Кажется, — продолжает В. Невский, — достаточно и тех доказательств, какие приведены выше, чтобы согласиться с мнением о боярском, привилегированном происхождении автора «Слова». С этой точки зрения можно сказать, что наше «Слово», как и западноевропейская средневековая рыцарская поэзия, носит аристократический характер.

Отсюда совершенно понятно, что автора совсем не интересует народ, смерды, его положение, его горести и страдания...»

Таково мнение о «Слове» от Иловайского и до Невского, мнение господствовавшее, но, к счастью, не единственное. Трудно найти в литературе мнение более несправедливое, тенденциозное, тупое, прямо вопиющее к небу. И мнение это высказывает советский автор, официальной обязанностью которого, казалось бы, было подробное и всестороннее освещение роли народа в «Слове»!

Ведь почти каждая строка «Слова» находится в кричащем противоречии с приведенным выше мнением. Ведь центральной фигурой «Слова», его стержнем является русский народ.

Советские ученые (Новиков, Орлов и другие) давно уже поняли это, и трудно понять, как могла подняться рука, чтобы написать такое фальшивое, инспирированное какими-то особыми соображениями мнение.

Да, «Слово» — это похвальная песнь князьям, их дружине, всему войску; в «Слове» отдается должное отваге, храб-

рости, трудам и ранам князей, но... вместе с тем «Слово» – это публичный суд, суд всей Русской земли не только над данными князьями Ольговичами, но над всей системой управления землей того времени.

Обвинительный акт начинается словами – упреком Святослава: «Се ли створиста моей сребреней седине!»

Он любит их, героев «Слова», за смелость, бесстрашие, он ценит их труды и мучения, но упрекает в неблагоразумии: «Не во время вы затеяли поход, бесславно пролили кровь поганых», – говорит он.

И к этому приговору певец присоединяет (если следовать одному толкованию, принимаемому большинством) упреки и других народов, более того, проклетия их (немцев, венецианцев, греков и мораван). Если же принять наше толкование, то проклетия произносились русскими женщинами, потерявшими своих близких, это они «кают князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, реки Половецкыя, Русского злата насыпаша» и так далее.

Примем ли мы первое или второе толкование, – это не изменяет сути дела: Игоря проклинают за его неудачу.

Что же тут общего, скажем мы, с фантастической песней о Роланде? Где аристократичность «Слова» и защита классовых интересов, если героев его, правда, любя, но публично, во всеуслышание, перед всей землей, певец с горечью отчитывает?

Это не похвала, а акт гражданского суда, суда строгого,

но справедливого.

На чьей стороне стоит певец, на стороне князя-феодала, путившегося в рискованную авантюру вместо того, чтобы основательно подготовить поход, или на стороне русского народа, жестоко пострадавшего в ней?

Нам кажется, что двух мнений здесь быть не может, что и гг. Иловайские, Невские и Мазоны должны согласиться с тем, что певец укоряет Ольговичей в неразумии.

Более того, — певец возвышается над событиями не только своего времени, он поднимается выше, он анализирует не только неудачный поход внуков Олега, он осуждает и его самого. Это он называет его «Гориславlichem», т. е. человеком горестной славы, это он укоряет Олега, что тот «ковал крамолу и стрелы сеял по земле»...

Более того, певец бросает в лицо всем князьям перед всем народом тяжелый упрек, им и их системе управления: «Тогда при Ользе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука»... и прямо указывает: «В княжих крамолах веде человеком скратишася» и т. д. Или: «Усобица князем на поганые погыбе, рекоста бо, брат братови: «се мое, а то мое же»; и начяша князи про малое: «се великое» говорити, а сами на себе крамолу ковати. А погани со всех стран приходжаху с победы на Землю Руськую»....

Спрашивается, где же здесь панегирик, защита кастовых или классовых интересов? Если панегириком считают пуб-

личное шельмование: «Про малое стали говорить: о, се великое», то трудно понять, как понимают смысл слова «панегирик» сторонники мнения, что певец «Слова» защищал интересы класса феодалов и сам принадлежал к привилегированному сословию.

Напрасно некоторые толкуют «погибашеть жизнь Дажь-Божа внука» как гибель имения, добра князей, это неверно, – внуки Дажь-Бога это все русские, а не только князья.

Откройте «Апостол» 1307 года, и там на полях его вы найдете цитату, почти дословную из «Слова» (она только что приведена нами), но там вместо «Дажь-Божа» стоит – «наша жизнь», т. е. добро русских людей вообще.

Так понимали «Слово» в 1307 году, так и следует его понимать, ибо дальнейшая цитата полностью разъясняет смысл отрывка: «Тогда по Руськой земли редко ратаи покрикивали, но часто вороны граяли, деля себе трупы»... (и уж, конечно, трупы, о которых жалеет певец, были трупы народа, а не князей).

Здесь певец на стороне хозяина земли Русской – пахаря, Русского народа, и он громогласно упрекает князей, своих защитников от внешних врагов, в нерадивости.

Где же здесь, спрашивается, защита классовых интересов? Наоборот, певец, если он был даже дружинником или боярином, возвышается над интересами своего класса, а выше всего ставит благо всей родины!

Если этого не понимал проф. Иловайский, «проклятый

буржуй», никогда не читавший Маркса и чуждый политике, то уж г. Невскому следовало бы все же более порядочно понимать то, что он читает и затем так развязно комментирует.

Далее, певец не ограничивается только примером Игоря, воспоминаниями об Олеге, Всеславе, который также причинил немало бед Руси своими исканиями «девицы себе любовью», т. е., хорошей волости, – он указывает, что это зло царит сейчас и в другом конце Русской Земли, – в Полоцкой земле.

Там тоже «Двина болотом течет под кликом поганых», там одиноко погиб Изяслав в битве с врагами, покинутый братьями, и там беда.

И певец не ограничивается только общими местами, критикой вообще, но он называет громко, во всеуслышание и конкретных, живых виновников сегодняшних раздоров:

«Ярославе и вси внуци Воеславли, гневно восклицает он, склоните же свои знамена, вонзите в землю ваши опозоренные мечи, вы отошли от дедовской славы, – это вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую!»

Ну, и аналогию с средневековыми рыцарскими песнями нашли гг. Невские и Мазоны!!!

Где же здесь защита классовых интересов, своей феодальной верхушки? Ведь это речь народного прокурора и строгого судьи, а не речь защитника. Да такого «певца», восхвалителя мало услатить в Соловки или Воркуту, ему и Колымы мало!

Итак, певец осуждает не только неудачный поход Игоря, совершенный тайком из-за эгоистичного интереса самому получить славу, а не делиться ею с другими, но осуждает и всех князей за их крамолы; он называет имена виновников раздоров, он напоминает, что это тянется уже не менее 100 лет, со времени Олега Тмутараканского.

Откровенно говоря, хвала в «Слове» храбрости бледнеет перед столь тяжелыми обвинениями. И уж, конечно, «Слово» не имеет ничего общего с похвальной, аллилуйской придворной песнью, какой ее хочет изобразить г. Невский.

Переходим ко второму совершенно ошибочному, мы сказали бы, позорному утверждению, роняющим достоинство советской науки, что в «Слове» не защищаются интересы народа, что автор не живет его бедствиями.

Все «Слово» – это сплошное опровержение этого мнения, это стон сердечной боли за русский народ. Возьмите место: битва на Каяле проиграна, «кровавого вина не доста»... «жены русские всплакашася»...

Кто эти «жены», – русского народа или жены «феодалов», или «аристократов»?

«Застонал Киев туюю, а Чернигов напастьми, печаль жирна тече среди земли Руськыи»... Значит народ мучается, народ опечален, а не феодальная верхушка!

Откройте летопись: «Где бо бяше в нас радость, понеже въздыхание и плачь распространися... възпиша вси и бысть плачь и стенание: озем бо брата избита и изымана, а друтым

отци и ближники»...

Значит плакали все, кто по братьям, кто по отцам, кто по близким. О каком походе говорит это летопись? — именно о походе Игоря!

Понятен теперь и этот скорбный рефрен: «А Игорева храброго полку не кресити! (не воскресить). Заметьте: сказано «полку», т. е., войска, а не только дружины, составлявшейся из воинов-профессионалов. Да, храбрых русских воинов, народа русского, полегшего на поле брани, не воскресить!

Но ни Иловайский, ни Невский, ни тем более иностранец Мазон не понимают, о ком скорбит певец «Слова» (невероятно, но факт).

Говорит ли автор о том, что Игорь «погрузи жир во дне Каялы... Русского злата насыпаша», говорит ли он о дружине (вероятно, того же Игоря): «Дружину твою, княже, птици крылы приоде, а звери кровь полизаша», вспоминает ли он о стягах Рюрика и Давыда, в которых нет единения, говорит ли он о битве на Немиге («Немиги кровавые берега не благом (зерном) посеяны были, а костями русских сынов»), — всюду скорбь о русском народе, о Русской земле и меньше всего о феодалах и аристократах.

Наоборот, ни разу певец не отзывается сочувственно о князьях, как о таковых, но только, как о защитниках родины.

Только в отрывке: «О, стонати Руськыи земли, помянувшѣ

первую годину, первых князей»... можно усмотреть сочувствие, уважение и любовь к князьям, к князьям древности, осуществлявшим идеал певца, но это было когда-то! Сегодняшних князей певец честит достаточно.

Далее автору «Слова» брошен упрек в том, что он много внимания уделил военщине, отчасти охоте, что в этом сказывается пренебрежение к народу, к смерду.

Но поймите, гг. Невские, что «Слово» – это песнь о походе, о войне, а не трактат о земледелии. Ведь не будем же мы упрекать автора книги о музыке, что он слишком мало внимания уделил индустриализации (г. В. Невский, конечно, не в счет!).

А что касается охоты, то она в XII веке не была развлечением, забавой, а одним из самых существенных промыслов, которым был занят и пахарь в свободное от полевых работ время, – шкуры зверей это были деньги.

Итак, подавляющее большинство исследователей, особенно в прошлом столетии, не понимали истинного значения «Слова». Не поняли нашей национальной гордости, что ни одна европейская культура не может выставить для соответствующего горизонта времени произведения, могущего стать в сравнение со «Словом».

«Слово» гораздо глубже, серьезнее, политически зрело, чем все фантастические повести или рыцарские песни вроде «Песни о Роланде». И недаром иностранцы подкапываются под «Слово»: никак не могут поверить, что культура русских

в XII веке была не ниже, а, может быть, и выше их собственной. К чести исследователей «Слова» следует, однако, отметить, что не все пошли стопами Иловайского и иже с ним. Многие давно поняли и указывали на огромное политическое значение «Слова» и что героем «Слова» в сущности является русский народ.

Некоторые, напр., украинец Мондальский (1918), даже впали в другую крайность и видели в «Слове» только одного героя – пахаря, русский народ, забывая, что представителям защиты его, князьям и дружине, также отведено почетное место.

Другие исследователи, в частности Новиков (1938), достаточно правильно и объективно оценили основные идеи «Слова». Для них основная мысль, так сказать, квинтэссенция произведения заключена в «златом слове» Святослава, обращении к другим князьям.

И действительно: за великолепной декорацией описания похода Игоря скрыта основная цель произведения, – призыв ко всем русским князьям встать в настоящий момент на защиту родины, – это политическое воззвание, очень удачно использующее поэтическую канву для своих целей.

Чтобы не быть голословным, произведем арифметический подсчет, – подсчитаем, сколько строк посвящено собственно походу Игоря и «поэтике», а сколько обсуждению и «политике», т. е., обсуждению прошлого и причин бедствия Русской земли в настоящем.

В центре стоит «златое слово» Святослава (417–542). Далее уже идут слова самого автора на ту же тему, но о беде от «поганных» в Полоцкой земле (542–568). Затем следует обвинительный акт по адресу Ярослава и внуков Всеслава (568–580).

Итого обсуждение главным образом современного политического положения занимает 165 строк.

Но это не все, – автор, вспомнив внуков Всеслава, не забывает и вреда от деяний самого Всеслава (в центре потрясающее сравнение битвы на Немиге с работой: молотьбой зерна на току). И затем певец переходит к упреку Рюрику и Давиду в их розни (580–635); прибавляется еще 55 строк.

Итого 220 строк подряд посвящены главным образом «политике» и прямого отношения к походу Игоря совершенно не имеют.

Однако, перед «златым словом» имеется еще крупный отрывок, где певец показывает на примере прошлого (войны Олега) всю пагубность раздоров между князьями (220–256), прибавляется еще 37 строк.

Далее следует упрек князьям вообще (298–307), добавляется 8 строк, тот же упрек повторяется на строках 327–330. Итого «политике» посвящено 261 строка.

Однако на самом деле «политическая» часть еще длиннее, ибо отрывок: «тии, бо храбрая Святославличя» (332–363) и объяснение боярами сна Святослава (381–416), в сущности, в большей мере принадлежат этой части, а не поэти-

ческой, – эти отрывки только подготовка, фон для «златого слова».

В «Слове» всего 792 строки, 5 строк занимает заглавие, 526 занимает «поэтика» и 261 строку (по крайней мере!) занимает «политика». Эти цифры показывают совершенно ясно и объективно, что «политической» части певец придавал огромное значение: по крайней мере, одна треть произведения занята ею.

Эта часть для тех, кто считает «Слово» только хвалебной песнью, безусловно страшно перегружена и растянута, как это неоднократно и высказывалось. На самом же деле это не так: «Слово» – это злободневное политическое воззвание, призыв к действию, к защите родины, совершенно живой, конкретный, поименный, – поэтому должны были быть перечислены все, кто мог помочь походу, отсюда уместность упоминания всех.

«Слово» – это обращение к чувству и разуму всех русских людей и в первую очередь русских князей, – отсюда подробное обоснование призыва фактами в прошлом и настоящем.

Весь поход, вся поэтика «Слова» – это только эмоциональная подготовка слушателя к тому, что будет в самом центре «Слова», – в «златом слове» Святослава, и недаром это место сам певец называет его «золотым», здесь центр тяжести всего произведения, его «*summa summarum*».

Приходится удивляться не тому, что «политика» занимает более трети произведения, а как искусно разместил певец

материал «политический» среди поэтики, так что он оказался как бы замаскированным, почти незаметным; здесь талант певца сказался в совершенстве.

В уста Святослава вложено чрезвычайно умелое, дипломатически-громкое слово ко всем русским князьям (возможно, прямой отголосок действительно существовавшего).

Все в этой речи, что вносит рознь, неудовольствие, оставлено в стороне, все мелкое, личное забыто. Князья выставлены в самом лучшем свете, как богатыри, честные и храбрые, вспоминаются крупные деяния их.

Святослав обращается буквально ко всем русским князьям, не забывая ни средних, ни малых, и всюду отмечая доблесть их дружин и тем подготавливая благоприятную почву для положительного решения о походе, ибо с мнением дружин князья очень считались.

Начинает «злато слово» Святослав с упрека Игорю и Всеволоду; отдавая дань их смелости, благому намерению поразить врагов, сочувствуя их беде, он упрекает их в неосторожности, в самонадеянности.

Далее он переходит попутно к брату своему Ярославу. Он восхваляет его могущество, его воинов, но упрек в бездействии, в недостаточной помощи Игорю высказан чрезвычайно тонко: «Я уже не вижду власти брата моего...», как будто причина отсутствия поддержки со стороны Ярослава это только печальная случайность.

Такое обращение к Ярославу объясняется не только тем,

что это обращение к брату, но и тем, что Святослав, видимо, не потерял еще надежды иметь Ярослава, владения которого были близки к половцам, участником задуманного похода. Он не решается порывать с братом, которого сам певец в дальнейшем считает главным виновником раздоров.

Далее он обращается к великому князю Всеволоду Большое Гнездо, действительному хозяину Руси в то время. Напоминая о его блестящем походе на Волге против так называемых серебряных болгар и понимая, что Всеволоду трудно идти так далеко, – он подсказывает форму его помощи в общем деле: он может послать князей Глебовичей, своих вассалов и помощников, земли которых лежат ближе к половцам кстати, как бы мимоходом, он не упускает случая сказать приятное Глебовичам, назвав их живыми «шереширами» (метательными орудиями).

Затем он обращается к своим соседям Рюрику и Давиду в весьма хвалебной форме, не забывая и их дружину. Эти похвалы во всеуслышание, перед всем народом, приобретают особый оттенок и смысл, если принять во внимание отношения, существовавшие между Святославом и упомянутыми князьями. Узнав о пленении сына Всеволодом Большое Гнездо, он сказал: «Отомстил бы я Всеволоду, да нельзя, – подле меня Ростиславичи (Рюрик и Давыд). Эти мне во всем делают досады в Русской земле; ну, да мне все равно: кто ко мне из Владимира племени ближе, тот и мой».

Так он говорил, охотясь по левому берегу Днепра. Гнев

его, однако, был так велик, что, узнавши о том, что Давыд Ростиславович в это время также охотился в лодках по Днепру в этом же месте, приказал стрелять по нем. Давыд был осыпан стрелами, но ему удалось благополучно уйти.

Далее Святослав обращается с большой похвалой к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, напоминая, что это он брал Киев (и мог владеть последним), что Ярослав настолько силен, что посылает войска за далекими землями против султанов (есть данные, что войска Ярослава участвовали в походе для завоевания Гроба Господня).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.